

JAN 17 1933

LIBRARY LENDS AND
EXCHANGE INFORMATION

N. Y. Public Library
Russian Dept.
42 St. & 5th Ave.
N. Y. C.

НОВОЕ

РУССКОЕ

СЛОВО

"NOVOYE RUSSKOYE SLOVO" 413 East 14 Street, New York,

VOL. XXIII NO. 7294 SUNDAY, JANUARY 15, 1933.

ВОСКРЕСЕНЬЕ 15 ЯНВАРЯ, 1933 г.

Новое о Грибоедове

В Тифлисе выпущены «Путевые Записки» Грибоедова^{*)}, которые он набрасывал на Кавказе и в Персии (в 1818—1827 г.г.) и в виде кратких открыток для себя, и как письма к приятелю, С. Н. Бегичеву. Текст их давно известен, и интерес нового издания состоит в примечаниях, которыми снабдил «Записки» местный кавказский исследователь жизни Грибоедова И. К. Ениколопов. Эти примечания помогают разобраться в местах, людях и событиях, неизвестных обычному читателю. Кроме того комментатор опубликовал неизданное до сих пор письмо Грибоедова к графу Н. С. Паскевичу, главнокомандующему кавказским краем. Письмо было написано в Тифлисе 23 августа 1828 года, на другой день после свадьбы Грибоедова с Ниной Чавчавадзе. Об этом событии Грибоедов, впрочем, не упоминает, сообщает только: «после возвращения из лагеря под Ахалкалаками (ставка главнокомандующего в то, гданней реке с турками) со мной случился жестокий припадок малярии, который длился без передышки: у меня не было никакой возможности до сих пор не только сесть на лошадь, но даже выйти из комнаты». Малярия, задержавшая отъезд Грибоедова в Персию, куда он был назначен пол-

номочным министром, ускорила его женитьбу. «Кабы я не заболел в Тифлисе, — писал он позже, — то моя свадьба отложена была бы до будущего года».

Письмо к Паскевичу касается контрибуции, которую Персия обязалась платить по туркменчайскому договору, разработанному при ближайшем участии Грибоедова. Письмо это извлечено из «дел» дипломатической канцелярии при главнокомандующем Закавказским краем, хранящихся теперь в Центральном архиве Грузии. Это архив И. К. Ениколопов уже использовал для своей предыдущей интересной работы «А. С. Грибоедов в Грузии и Персии», тоже выпущенный в Тифлисе. Автор указывает, что хотя большинство документов архива погибло при эвакуации из Тифлиса на Северный Кавказ в 1914 году, но сохранились некоторые документы, характеризующая его дипломатическую работу на Востоке.

Ни в этом архиве, ни в других местных хранилищах автор не обнаружил, несмотря на розыски, никаких документов. Не упоминалось бы о знаменательном событии в жизни Грибоедова не как читателя, а как писателя: первый и единственный постановкой «Горы от ума», которую он видел. В 1827 году

Эривань была занята русскими войсками, и офицеры, и любители 20 пех. дивизии поставили отрывки из еще запрещенного тогда «Горы от ума». Грибоедов, проездом в Тавриз, остановился в Эривани и был приглашен на спектакль. Сам он ни где не упоминает об этом представлении, но сохранились рассказы «старожитов», не оставляющие сомнений, что спектакль был сыгран. «Так, после неудачной попытки учеников Петербургского театрального училища сыграть запретную пьесу, она вышла на волю на самой границе Азии, в кружке армейских офицеров». А между тем, писал А. Веселовский, собранный рассказы зрителей, вся империя Россия давно уже зачитывалась комедией, и десятки тысяч рукописных экземпляров проникали в отдаленнейшие уголки».

Спектакль состоялся в бывшем дворе персидских сардаров. Грибоедов, в письме к Бегичеву, при первом своем посещении Эривани в 1819 году, так описывает этот дворец: «Мы доехали до зубчатой крепостной ограды, потом через несколько сваяжи, которые называются минарами, протеснились до самого двора Сардаров. Я знаю, что тебе сказать об его хоромах. Нет ничего целого, притом, сколько кривизны, поворотов, переулков, приступков, надстроек, входов, проходов, узких, сумрачных и вовсе мрачных, что толку тебе добьешься. Взобрались в приемную; она должна быть очень хороша для персидских глаз: велика, под уступом дорогами узорами коврани, и потолок и весь зал расписан многими японскими узорами, слева

стании занимают всю продолговатую стену в них цветная слюда перемешана с резьбой и с наклеенными кайками, это — окна. Прямо против входа — камин; в правой, тоже длинной стене выемка в полукружии, в котором выпуклый потолок, представляет хаос из зеркальных кусков, и там камин». В этом зале эриванский хан, сардар Гуссейн, принимал русскую миссию, в которую входил и Грибоедов, начинавший свою дипломатическую карьеру.

Дворец, стоявший на высоком берегу реки Занги, славился мозаичной отделкой своих зал. Не знаю, что стало теперь с его развалинами, которые перед войной представляли печальный и постыдный вид полной заброшенности. Залы были открыты для непогоды и людей, несмотря на это, сохранились еще во многих местах чудесные мозаики, обильно впрочем, испещренные надписями посетителей.

Венцом дипломатической деятельности Грибоедова было, как известно, его участие в заключении туркменчайского договора с Персией, по которому Россия получала Нахичеванское и Эриванское ханства, право исключительного плавания по Каспийскому морю и контрибуцию в 20 миллионов рублей серебром. Присутствовавший при дипломатических переговорах уполномоченный министерства иностранных дел Обрезков, и сам граф Паскевич, были совершенно несведущие в тонкостях восточной дипломатии и предоставляли решение наиболее важных вопросов Грибоедову. Он выполнил и очень трудную работу редактирования договора. Какими

«восточными» средствами ему приходилось пользоваться, свидетельствует архивное дело — «Об отпуске разным персидским вельможам денег, во уважение указанных ими услуг при переговорах о мире». Позже, уже из Тавриза, 18 октября 1828 года, Грибоедов писал Паскевичу: «Обещания сумма при мирных переговорах в Туркменчае Мирзе Абдул Гассан Хану — 3.000 туманов, по неимению тогда наличных денег, теперь уплачена». И сам Паскевич, столь скупой на похвалы, признавал важные заслуги Грибоедова и отправил его в Петербург для представления Николаю мирного договора.

В Петербурге, как известно, Грибоедов был встречен 14 марта триумфом и пушечными салютами, на следующий день имел высочайшую аудиенцию, но награжден был довольно скромно: он получил чин статского советника, орден и 4.000 червонцев, однако, через полтора месяца последовало назначение его полномочным министром в Персию. Он принял назначение с тяжелым сердцем, так как знал, что трудно будет добиться выполнения условий мира, и что на Кавказе уже грозит война с Турцией. Свои предчувствия он высказывал многим, в том числе, и Пушкину. «Предчувствую, что живой из Персии не возвращусь», — говорил он Бегичеву.

Главным уполномоченным персидского правительства в Туркменчае был Манучар-хан Ениколопов, предок автора книги. Уроженец Тифлиса, он в 1804 году участвовал в грузинском походе генерала Цицианова на Эривань, попал в плен, был при-

везен в Тавриз, оскoплен и назначен евнухом в шахский гарем. Ениколопов быстро вошел в доверие хана, и с 1815 года в звании обер-церемониймейстра, фактически исполнял обязанности первого министра. В семейном архиве Ениколоповых сохранились документы, отчасти разъясняющие обстоятельства страшной гибели русской дипломатической миссии, с Грибоедовым во главе. А в Центральном архиве Грузии автор книги обнаружил весьма важный, в этом же смысле, документ — черновик секретного рапорта Грибоедовым, от имени Паскевича, начальнику главного штаба графу Дибичу. Рапорт помечен 10-м февраля 1828 года из Туркменчая.

Все биографы Грибоедова приписывают виднейшую роль в его убийстве родственнику шаха и главе антирусской партии Аллаяр-хану, человеку исключительно храброму и жестокому. Н. Н. Муравьев enzывает его в своих «Записках» — «виновником войны». При взятии русскими Тавриза, Аллаяр-хан попал в плен и, в числе других важных пленников, подлежал отправке в Петербург. Потом эта отправка была отменена, но еще раньше Паскевич (или фактически Грибоедов) задержал Аллаяр-хана при себе. В рапорте Дибичу он так излагает причины этой задержки: «Аллаяр-хана я не мог прежде отправить, ибо в его содействии находил пользу при переговорах в Дейкаргане, и с тою же целью взял его сюда (в Туркменчай)). Теперь, когда все так благополучно кончено, и, по получении вашего последнего предписания, из которого

ясно, что в Аллаяр-хане уже не имеется надобности в Петербурге, я признал себя в праве объявить ему свободу, ибо, таким образом, мы можем приобрести без больших пожертвований приятель сего вельможи, которого отцу шах обязан престолом; и если он и не будет занимать по прежнему место первого министра, но не малая того выгода нам останется при большом влиянии на дела внутренне и внешние здешнего государства».

Раз Грибоедов так надеялся на Аллаяр-хана, то кажется сомнительным, чтобы он произнес слова, которые Бегичев ему приписывает: «знаю персиян. Аллаяр-хан мой личный враг: он меня уводит. Не подарит он мне заключенного с персами мира».

Непосредственной причиной нападения на русскую миссию исследователи считают отказ Грибоедова выдать шахского евуна и бывшего казначея гарема Мирзу-Якуба. Тот был кавказским уроженцем, попал пленником в Персию, был оскoплен, как Манучар-хан, и достиг высоких должностей. Когда, по туркменчайскому миру, бывшие пленники получили право вернуться на родину в Россию, Мирза-Якуб заявил и о своем желании Грибоедову. Тот разубеждал его уезжать, но Мирза-Якуб стоял на своем, и Грибоедов был вынужден дать ему убежище в русской миссии вместе с другими пленниками. «Измена» Мирзы-Якуба вызвала чрезвычайное волнение и в шахском дворце, и в духовных кругах, и среди населения. Его обвиняли в том, что он меняет мусульманство на христианскую веру, собирается выдавать тайны шахского дворца и гарема. Шах заявлял про-

тест против удержания Мирзы-Якуба в здании русской миссии, шли разные переговоры, и все кончилось нападением фанатизированной толпы на нашу миссию. Зверски было убито 54 человека, и автор книги разыскал в архивных делах новые, еще до сих пор неизвестные имена жертв.

Он указывает также, что главной причиной возмущения против Мирзы-Якуба была не столько боязнь выдачи каких-то тайн, сколько нежелание шаха потерять имущество своего евуна. Евуна приравнялся, в отношении наследования, к рабу, и его имущество после смерти переходило к хозяину — шаху. Манучар-хан Ениколопов, о котором мы упоминали выше, тоже хотел после туркменчайского мира вернуться в Тифлис. Но он действовал прудумно и стал переправлять по частям свои богатства, выписывая из Тифлиса родственников. Когда он умер, все еще в Тегеране, тифлиские родственники возбудили ходатайство о выдаче им наследства. Переговоры шли через русских властей, переписка длилась несколько лет, но шахское правительство осталось непреклонным, — наследство евуна осталось у его хозяина.

Если подлежит пересмотру вопрос о роли Аллаяр-хана в убийстве Грибоедова, то, по всей вероятности, играл гораздо меньшую роль, чем обычно думают, и факт удержания в русском посольстве двух грузинков, яко бы, жен Аллаяра. Скорее это были жены его слуг, как на то, впрочем, указывали еще и современные английские донесения о событиях 30 января 1832 года.

Р. Слонов

^{*)} А. С. Грибоедов. Путевые записки. Изд. 2-е. Тифлисе, 1932 г. Ст. 91.